

"АНГЛО-АМЕРИКАНЕЦ" УИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ И ЕГО РОЛЬ В ОТНОШЕНИЯХ США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

© 2017 г. **В.А. Соколов***

Борис ДЖОНСОН. ФАКТОР ЧЕРЧИЛЛЯ.
Как один человек изменил историю. Пер. с англ.
Москва: Колибри, Азбука Аттикус, 2015, 448 илл.

Рецензия представлена в редакцию 7.12.2016.

На материале книги известного английского политика Бориса Джонсона "ФАКТОР ЧЕРЧИЛЛЯ. Как один человек изменил историю" в статье раскрывается уникальный феномен британского премьера в истории англо-американских и международных отношений.

Ключевые слова: англо-американские отношения, Уинстон Спенсер Черчилль, Франклин Делано Рузвельт, Иосиф Сталин.

Отношения США и Великобритании – отдельная, важная и постоянно обновляемая глава мировой истории, где особое место принадлежало и принадлежит британскому премьер-министру (1940–1945; 1951–1955) Уинстону Черчиллю, который, как недавно стало известно, неожиданно лишившись после Второй мировой войны своего поста, начал негласно выступать за нанесение первого англо-американского удара с применением атомной бомбы по СССР, недавнему союзнику по антигитлеровской коалиции в той войне. Столь крутые перемены в поведении британского премьера не могли удивить советских руководителей, никогда не испытывавших в отношении него особых иллюзий. Поэтому любая

информация об этом деятеле всегда представляла неизменный интерес, даже десятилетия спустя после его кончины.

Мать Черчилля была дочерью известного американского бизнесмена Леонарда Джерома, который одно время являлся крупнейшим акционером издательства "Нью-Йорк таймс". Он также владел скаковыми лошадьми, оперным театром и ещё якобы крутил романы с оперными певицами (с. 51). Что касает-

* СОКОЛОВ Владимир Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры журналистики МГИК. Российская Федерация. 141406 Московская область, г. Химки, ул. Библиотечная, 7 (nsokol21 @ mail.ru).

ся отца Рэндольфа, то в юности, пишет Б. Джонсон, два сильных чувства, связанные с ним, безраздельно владели Черчиллем: то, что отец был им разочарован и то, что сам отец обманным путём, как считал сын, был лишён заслуженного величия. Поэтому Уинстон ставил перед собой две цели: доказать отцу, что он достойный сын, и реабилитировать самого отца.

Только задумавшись о взаимоотношениях с Рандольфом и его гипнотическим влиянием на сына, можно понять, считает Джонсон, почему Черчилль вёл себя именно так, а не иначе. Он должен был подражать отцу, чтобы доказать, что он достойный сын. Он должен был взять за образец жизнь отца и даже модель его поведения, чтобы реабилитировать Рандольфа в глазах всего общества. "Ему совершенно нельзя доверять, как нельзя было доверять и его отцу", – сказал лорд Дерби в 1916 г. а Теодор Рузвельт называл обоих "ничтожествами" (с. 54).

Б. Джонсон считает, что США никогда не вступили бы в европейский конфликт, если бы Британия не пошла на ошибочный и безумный шаг по заключению сделки (с Гитлером!) в 1940 г. (с. 40), и напоминает, что "в мае и июне 1940 г., когда британцы в одиночку оказывали сопротивление гитлеровскому режиму, со всей очевидностью бывшему расистской и антисемитской тиранией, многие сенаторы Соединённых Штатов не стремились прийти на помощь, по крайней мере, не торопились с этим" (с.255).

И далее Джонсон напоминает некоторые подлинные, в том числе глубинные исторические причины такой политики США:

Начиная с предписаний самого Джорджа Вашингтона, руководящим принципом политики США было невмешательство в международные спорные ситуации. Многие американцы всё ещё негодовали по поводу того, что Вудро Вильсон втянул их в Первую мировую войну, немало было и испытывавших скептицизм в отношении Британии, даже враждебных к ней; коль странным это ни покажется сегодня, многие считали британцев заносчивыми империалистами, которые обладали талантом убеждать других сражаться за них. Обращаясь к началу Второй мировой войны и позиции США, Джонсон язвительно вопрошает: "Кто же мог отстаивать противоположную точку зрения? Уже не враждебно настроенный Джозеф Кеннеди (посол США в Лондоне. – *В.С.*), который был отозван в конце 1940 г., но успел нанести немалый урон репутации Британии?" (с. 272).

Фактически накануне войны сам президент Рузвельт обещал, что "не вовлечёт Америку в какой-либо европейский конфликт, понимая, что, если нарушит обещание, поплатится за это на президентских выборах в ноябре 1940 г." (с. 255). К тому же американским военным министром был ярый изоляционист Гарри Вудринг, который с 23 мая по 3 июня намеренно откладывал отправку морем в Великобританию военных материалов, списанных из-за переизбытка. Он настаивал, что эти товары нужно как следует разрекламировать, чтобы их мог купить кто угодно, прежде чем продавать их британцам. Как раз в тот момент британские солдаты умирали на побережье Дюнкерка; эта военная катастрофа была крупнейшей за век" (с. 255). Черчилль же просил, фактически умолял Рузвельта прислать ему несколько устаревших американских эсминцев и завершил письмо скрытой угрозой: если Британия

падёт, то ничего не остановит Гитлера от конфискации всего британского флота и использования его против самих Соединённых Штатов.

Отношения Черчилля и Рузвельта, подчёркивает Джонсон, впоследствии стали ключевыми для хода войны, но при подготовке первого существенного послания за океан премьер-министр не предугадал, какотреагирует его корреспондент. Рузвельт же, бегло прочитав сообщение и заключив из его упрямивающего тона, сочетающегося с неистовым отчаянием, что Британия, возможно, идёт по пути остальных европейских стран (сдавшихся Гитлеру. – *В.С.*), и в таком случае зачем же посылать ей эсминцы, если их пушки могут быть обращены против США? И далее автор справедливо замечает, что "Черчилль непреднамеренно сыграл против себя, он усилил, а не ослабил обеспокоенность Вашингтона в отношении британского коллапса" (с. 256).

Если британский посол в Вашингтоне Галифакс никоим образом не мог побудить американцев отвергнуть изоляционизм, то это, по мысли Джонсона, мог сделать только Черчилль, и далее Джонсон поясняет свою точку зрения: во-первых, он был наполовину американцем, что, по мнению некоторых его английских современников, добавляло в его характер энергичности и, возможно, толику барышничества. Во-вторых, он посещал США 4 раза до войны, и общая продолжительность его поездок составляла пять месяцев. Он познакомился со страной и стал глубоко уважать американцев, восхищаться ими (с. 273).

Развивая далее свою точку зрения, Джонсон убеждённо заявляет: Черчилль понял, что мировое экономическое оздоровление зависит от американского развития и роста. Антиамериканизм Черчилля ушёл в прошлое вместе с представлением о необходимости сдерживать конкурента. Теперь он начал формулировать новую доктрину – двух наций с общим прошлым и общими традициями, которые являются совладельцами патента на англосаксонские идеи демократии, свободы, равноправия перед законом и руководствуются этими идеями в своей жизни.

Так началась его неустанная поддержка "англоязычных народов", а он, будучи наполовину американцем, мог (естественно) быть олицетворением этого союза. Черчилль предложил единое гражданство. Он даже высказался за слияние фунта и доллара в одну валюту и придумал курьёзный символ, объединяющий эти знаки (с. 275).

Вот такой Черчилль начал добиваться благосклонности США в 1940 г. Взаимоотношения значили для Лондона много больше, чем для Вашингтона. Как позже говорил Черчилль, никто не изучал прихоти возлюбленной так тщательно, как он изучал прихоти Франклина Рузвельта. Поскольку американский президент когда-то служил во флоте, Черчилль писал с использованием лестных выражений типа "как один бывший моряк другому". Он пользовался каждой возможностью, чтобы позвонить в Белый дом; он начал привечать американских журналистов и приглашать их в свою резиденцию.

В своих речах Черчилль обращался непосредственно к американской аудитории, ориентируясь на категории мышления этой аудитории, поскольку всё больше жителей США слушали его по радио (с. 276). "Мы не сдадимся никогда, – восклицал Черчилль, – и даже если случится так, во что я ни на мгновение не верю, что этот остров или большая его часть будет поработана и

умирать от голода, тогда наша Империя за морем, вооружённая и охраняемая Британским флотом, будет продолжать борьбу до тех пор, пока в угодное Богу время Новый Свет, со всей силой и мощью, не отправится для спасения и освобождения Старого" (с. 276).

Чрезвычайно любопытны размышления Джонсона об американской помощи: Когда "американцы согласились продать некоторые вооружения, условия законов о нейтралитете означали, что за это необходимо немедленно расплатиться наличными. В марте 1941 г. в Кейптаун был направлен американский крейсер, чтобы забрать последние имевшиеся у Британии 50 тонн золотых слитков, подобно тому как приставы забирают у должника телевизор с плоским экраном" (с. 277). И далее: "когда Лондон начал протестовать, заявляя, что его резервы на исходе, американское правительство решило выяснить реальную платёжеспособность Британии, что очень напоминает ситуацию, когда отдел социальных услуг обвиняет престарелого получателя льгот в сокрытии имеющихся средств" (с. 277).

Невольно приходит мысль о том, что автор, как недавний "эксцентричный" мэр Лондона, должен неплохо знать ситуацию о тех коллизиях, которые возникают у престарелых людей с властями из-за социальных услуг. Очевидно также, что в лице Бориса Джонсона Великобритания в настоящий момент обрела министра иностранных дел – союзника США, но саркастического плана: "Порою утверждается: Америка забрала так много наличности из Британии на начальных стадиях Второй мировой войны, что эти ликвидные средства окончательно вывели США из депрессии. Заводные рукоятки американской военной машины первоначально раскручивались британским золотом, но, несмотря на множество выгодных для них условий, многие политики США в 1941 г., очевидно считали, что сделка слишком щедра по отношению к британцам. Закон о ленд-лизе был принят в Палате представителей 260 голосами против 165. О чём думали те 165 конгрессменов, которые отказывались бросить Британии дорогостоящий спасательный жилет? Хотели ли они наблюдать, как старая страна идёт на дно?" (с. 278).

И далее Б. Джонсон высказывает оскорбительное для союзнических отношений соображение: "Правда в том, что некоторые из них чуть-чуть(!) желали этого". "Что заставило их передумать?" – спрашивает он и, на наш взгляд, резонно сам отвечает: "Всего лишь случилось нападение на Пёрл-Харбор, японская неспровоцированная агрессия, и сумасшедшее решение Гитлера объявить войну Америке несколькими днями позже" (с. 278). После всех этих событий Черчилль стал "одним из самых популярных голосов американского радио, уступая только самому президенту. Хитростью, очарованием и откровенной лестью Америка была втянута в войну" (с. 279).

Здесь уместно напомнить, как это делает автор книги, что британский премьер вообще прекрасно умел работать над словом: "Черчилль написал пять книг, стал парламентарием, был репортёром в нескольких зонах боевых действий и подготовил множество статей, ему хорошо платили за чтение лекций – и всё это, когда ему было лишь двадцать пять лет" (с. 138). Невольно начинаешь подозревать, что сам Б. Джонсон хотел бы быть похожим на Чер-

чилля, ставшего также, напомним, лауреатом Нобелевской премии по литературе.

Конечно, достойно сожаления, что Черчилль не проявил себя столь талантливо и мудро в отношении СССР, когда его руководство настойчиво продвигало идею об открытии Второго фронта. Но Черчилль был одержим антикоммунистической паранойей. Кроме того, на наш взгляд, он оказался больше "воякой-политиканом", нежели полководцем, когда в ходе Второй мировой войны, посылая британскую флотилию, он похвалялся её огневой мощью перед Рузвельтом. ("Ни с чем не сравнимо обладание тем, что может схватить и убить всё прочее.") Однако, иронизирует Джонсон: "Корабли не могли схватить японские самолёты-торпедоносцы из-за бахвальства Черчилля. Цель была, несомненно, политической: снова показать американцам глубину британской решимости и размах области влияния. Но этот жест оказался сугубо бессмысленным: американцы уже участвовали в войне" (с. 279).

Хотя Б. Джонсон несомненно увлечён образом Черчилля, он далёк от его обожествления и то и дело подтрунивает над этим образом: "На протяжении трёх недель он был неутомимым личным гостем президента и миссис Рузвельт, за это время он умудрился предстать обнажённым перед хозяином Белого дома ("британскому премьер-министру нечего скрывать от президента Соединённых Штатов"), перенести небольшой сердечный приступ и виртуозно разводить англо-американские сантименты. Кульминацией стало выступление перед обеими палатами Конгресса" (с. 280).

Гарольд Макмиллан впоследствии написал: "Только он (Черчилль. – В.С.) и, лишь используя исключительное терпение и мастерство, мог заманить американцев на участие в европейской войне" (с. 281).

В Тегеране в ноябре 1943 г. Черчилль почувствовал "смертоносную манию Сталина и необъяснимую готовность американцев потворствовать ей" (с. 306). А когда великий американский президент умер – это случилось 12 апреля 1945 г. – Черчилль принял ошеломительное решение не ехать на его похороны. Учитывая, что их взаимоотношения лежали в основе успеха союзников, этот шаг представлялся поразительным, но только на первый взгляд: не стоит забывать о том отчуждении, которое постепенно нарастало между лидерами держав. Соединённые Штаты вели жёсткий торг в отношении британских военных займов, были причины раздражения и по менее существенным поводам, например, прекратили экспорт мяса в Британию.

Но фундаментальное расхождение касалось именно Сталина, России и послевоенного устройства мира (с. 307–308). Черчилль, крайне обеспокоенный перспективой полностью коммунистической Восточной Европы, предложил операцию, о которой стало известно лишь недавно благодаря историку Дэвиду Рейнольдсу. 24 мая он попросил британский штаб планирования подумать об операции, которую назвал "Немыслимое". В ходе её британские и американские войска внезапно напали бы на русских и объединёнными усилиями вытеснили бы их из Восточной Европы. Как они добились бы этого? Они привлекли бы на свою сторону самые эффективные вооружённые силы – Вермахта(!) (с. 308). Эти планы оставались в секрете до 1998 г. – и, пожалуй, к лучшему, считает Джонсон. Но в то время Черчилль никоим образом не мог

убедить американцев присоединиться к этим планам. "Чтобы понять американское потворство русским, – пишет Джонсон, – необходимо вспомнить, как выглядел мир из Вашингтона в 1944 и начале 1945 г. – Война на Тихом океане не была закончена" (308).

Напомним: если для англичан эта война начиналась в Польше, то для американцев она начиналась в Пёрл-Харборе.

Но летом 1945 г. сменивший Рузвельта на посту президента США Г. Трумэн, представлявший американскую сторону на Потсдамской конференции, проинформировал, что у Вашингтона появилось атомное оружие. Он отказался делиться ядерными секретами с Британией, что выглядело как бесцеремонное обращение с союзником, который скрупулёзно соблюдал условия англо-американского договора по обмену технологиями. Многие из первоначальных теоретических работ по расщеплению ядра были британскими, и они были преподнесены американцам на блюдецке наряду с радиолокацией и всем остальным. Черчилль на этой конференции "произнёс несколько блистательных фраз, которые с трудом поддавались переводу, и всё же воочию наблюдал, как Британия продолжает съёживаться в тени двух сверхдержав" (с. 310).

Впоследствии Трумэн единолично принял решение о бомбардировке Хиросимы, а консультация с Британией была простой формальностью (с. 310).

Печально известную речь Черчилля в Фултоне^{*} автор называет "великолепной, наполненной вдохновляющими образами", но подмечает, что в заголовки новостей из неё попали лишь пассажи об избиении коммунистов. И всё же Черчилль на последнем собрании своего кабинета министров посоветовал: "Никогда не отдаляйтесь от американцев" (с. 319).

Автор книги "Фактор Черчилля" Борис Джонсон в 2016 г. занял пост министра иностранных дел в кабинете премьер-министра Великобритании Терезы Мэй. В его лице США получили достаточно хорошо осведомлённого партнёра не только о связующих две страны исторических узах, но и лишённого каких-либо иллюзий. Видимо, зная его эксцентрическую натуру, нелицеприятные высказывания по адресу других действующих политических деятелей Запада, премьер-министр Тереза Мэй предпочла оставить его дома перед 11-м саммитом "большой двадцатки" в китайском Ханчжоу.

Но несомненно, книга его привлечёт внимание как англофилов, так и американистов, поскольку основной акцент в этом труде сделан на англо-американских узах в судьбе Черчилля, которого ряд критиков называли даже "полукровкой-американцем" (с. 44).

^{*} Эта речь, произнесённая Черчиллем в марте 1946 г., считается неформальным объявлением "холодной войны".

Book Review

Boris Johnson. THE CHURCHILL FACTOR. How one man made history.

(USA ❖ Canada Journal, 2017, No. 4, p. 121-127)

Received 7.12.2016.

Boris Johnson. THE CHURCHILL FACTOR, how one man made history. Moscow, KoLibri, Azbuka Attikus, 2015.

SOKOLOV Vladimir Alekseyevich, Moscow State Institute of Culture. 7, Bibliotechnaya, Moscow 141104, Russian Federation (*nsokol21@mail.ru*).

Analyzing the book of a prominent English politician Boris Johnson THE CHURCHILL FACTOR , how one man made history (Moscow, KoLibri, Azbuka Attikus, 2015), the review discloses a unique phenomenon of British prime minister in the history of British-American and international relations.

Keywords: *British-American relations, Winston L. Spenser Churchill, Franklin Delano Roosevelt, Joseph Stalin*

About the author:

SOKOLOV Vladimir Alekseyevich, Candidate of Sciences (History), Chair of Journalism, Associate professor.